

оценке историка В. О. Ключевского, «это целые полвека в истории нашего просвещения и нашей историографии, особенно археологической ее ветви» [там же].

Будущий выдающийся государственный деятель, организатор наук и художеств Алексей Николаевич Оленин родился в Москве. В 1774 г. в возрасте девяти лет его отослали в Петербург в дом княгини Е. Р. Дашковой. Ее хлопотами и по велению императрицы Екатерины II его приняли в Пажеский корпус, а в 1780 г. отправили в Дрезденскую артиллерийскую школу, где в течение пяти лет он совершенствовал воинские знания, занимался историей, древностями и искусствами. В Россию А. Н. Оленин вернулся капитаном артиллерии. За несколько лет дослужился до полковника. Оставив военную службу в 1795 г., Алексей Николаевич перешел на службу в Государственный банк. Император Павел I назначил его управляющим Монетным двором. В годы царствования императора Александра I в 1810 г. он стал членом учрежденного Государственного Совета и получил должность государственного секретаря. В 1830 г. Оленину пожаловали действительного тайного советника – второй чин в Табеле о рангах, а, по сути, наивысший государственный чин.

Находясь на военной и государственной службе, А. Н. Оленин много времени продолжал уделять занятиям науками и искусством. Он приобрел известность как любитель театра, покровитель драматургов и артистов, рисовальщик и иллюстратор художественных произведений. Одной из самых известных работ А. Н. Олени-

на как иллюстратора стала поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Еще в годы учебы А. Н. Оленин с увлечением занимался историей и языкознанием. А в 1786 г. в возрасте 23 лет за составленное «Толкование многих военных русских старинных речений» его избрали в члены Российской Академии. Его научный труд «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г.», изданный в 1806 г., стал первым крупным печатным трудом, имевшем важное научное значение как для истории, так для археологии, палеографии и исторического языкознания. Он принес А. Н. Оленину известность ученого-археолога.

В 1811 г. члена Государственного Совета А. Н. Оленина назначили директором Императорской публичной библиотеки в Петербурге. Его стараниями библиотека была преобразована, и «по приведении хозяйственной и ученой части библиотеки в надлежащее устройство и порядок» это учреждение открылось «на общую пользу».

В 1817 г., не оставляя прежней должности, А. Н. Оленин возглавил Академию художеств, став ее президентом. Чрезвычайно обширными были и преобразования, проведенные в Академии художеств, находившейся к 1817 г. в «великом запустении» [4, с. 312].

Первые академические реформы коснулись ученического обмундирования и ремонта здания. Далее – были сокращены число воспитанников и время учебы. Реформе подверглась сама система профессионального и общеобразовательного обучения. Воспитанники с этого времени

стали получать добротное разностороннее художественное образование и возможность широкой специализации. Из восьми часов в сутки, отводимых обязательным занятиям, два вечерних часа студенты обязательно работали в натурном классе. Открылся манекенный класс. Усилилось преподавание теоретических курсов: стали преподавать пластическую анатомию, курсы теории изящных искусств и теорию зодчества, был введен класс строительного искусства. Президент также усовершенствовал практические занятия. В курс художественного образования ввели археологию и этнографию.

Помимо специальных предметов в качестве общеобразовательных преподавались грамматика, поэзия, риторика, русская и всеобщая история, география, математика, французский и немецкий языки, мифология и анатомия. Для развития образного исторического мышления у учеников Академии расширили курс древней и русской истории. Воспитанники старших возрастов получали серьезные художественные заказы, дававшие возможность зарабатывать средства на будущее время, когда, окончив Академию, они начнут самостоятельно трудиться.

Руководство Императорской библиотекой, постоянная забота о художественном образовании в соответствии с требованиями времени еще более убедили А. Н. Оленина в необходимости занятий историей и археологией, детального изучения прошлого российского государства. Важное место в исследованиях заняла работа с историческими источниками – письменными и материальными.

Алексей Николаевич Оленин стремился не только отыскивать но-

вые памятники древности, но, изучая их, вводить в научный и художественный оборот. Каждый вновь обретенный памятник, более или менее значимый для процесса исторического познания, не только брал на заметку, но всегда предлагал для дальнейшей научной работы и художественного осмысления. Так было с «Илиадой» Гомера. Так произошло с текстами Льва Дьякона, содержащими подробное описание событий, связанных с походами князя Святослава Игоревича на Византию. Так было и с обретенными доспехами русских князей и государей, с найденными «Рязанскими древностями».

Разыскивая, приобретая, изучая памятники истории, А. Н. Оленин занимался подготовкой их к публикации. Будучи убежденным в том, что правдивую «историю русскую» нельзя написать без издания полного свода всех летописей и иностранных книг, содержащих сведения о России, А. Н. Оленин уже в 1810 г. вместе со своим подвижниками, в числе которых были ученые А. И. Ермолаев и А. Х. Востоков, начали готовить публикацию комментируемого текста Лаврентьевской летописи. Помимо этого А. Н. Оленин всегда говорил о необходимости «собира- ния тех предметов, которые могут служить в пользу отечественной истории, древностей, языка и словесности нашей» [5, с. 133–134]. В начале XIX в. Алексей Николаевич написал ряд работ, связанных с русской палеографией и русской историей: «О Липицком сражении и шлеме Александра Невского» (1808), «О персидском старинном перстне, найденном в Торжке» (1808), «Заметку о месте погребения князя Дмитрия

Пожарского» (1808) и др. [там же, с. 135] Причем все работы А. Н. Оленина сопровождалось рисунками или археологическими зарисовками.

Став президентом Академии художеств, А. Н. Оленин все больше стал задумываться над вопросом о роли истории, археологии и этнографии в формировании взглядов и вкусов художников и о роли художеств в сохранении и изучении исторического наследия. В связи с чем появились его серьезные работы, посвященные, к примеру, созданию портрета Ермака, жизни, быту и костюму славян и др. [6-11].

Для зарисовки и фиксации древних русских памятников и копирования древних рукописей в 1809–1811 гг. Алексей Николаевич добился у императора Александра I субсидий на археологическую экспедицию по городам России. В этой экспедиции, которую возглавил историк и археолог К. М. Бороздин, участвовали художник-археолог и палеограф А. И. Ермолаев и художник И. А. Иванов.

Назначение А. Н. Оленина в 1817 г. президентом Академии художеств укрепило его в мысли о необходимости создания «художественной археологии», под которой он понимал не только точные с соблюдением масштаба, зарисовки археологических древностей и памятников древнерусского зодчества, но их подробное источниковедческое исследование и описание, а также решение вопросов датировки и атрибуции, то есть проведение так называемой внешней критики источника.

В этот исторический период подъема национального самосознания и расцвета романтизма без «художественной археологии» становилось

немыслимым развитие таких сфер культуры как архитектура, историческая живопись, декоративно-прикладное искусство. Понимая значение археологии для правильного отображения исторического прошлого, он начал составлять «Полный живописный курс археологии и этнографии для художников» [5, с. 93; 12]. Отправляя выпускников Академии художеств в дальние поездки (Палестина, Китай, Константинополь), он просил обращать внимание на исторические места, на древнюю архитектуру, нравы, обычаи и одежду жителей и все это срисовывать.

Постепенно у А. Н. Оленина стала складываться концепция «Атласа русской истории», в котором органично должны были соединиться публикации письменных исторических источников с историко-этнографическими комментариями и иллюстрациями. Для реализации этого проекта ему нужен хороший, знающий помощник, сподвижник, каковым первоначально был А. И. Ермолаев. Затем, после смерти первого, А. Н. Оленин нашел нового единомышленника в лице одного из своих учеников – Федора Солнцева. Алексей Николаевич увидел, что именно Ф. Г. Солнцев «более чем кто бы то ни было в целой тогдашней Академии, более чем кто бы то ни было из тогдашних русских художников, способен быть ему помощником в осуществлении тех планов, которые были у него в голове» [13, с. 161]. Наступали, по словам В. В. Стасова «времена национальных стремлений к самобытному искусству, к самостоятельным формам быта и жизни» [там же]. И, ускоряя приближение этих времен торжества национального, русского искусства, «в одну

ногу и могучими общими силами» двинулись эти два человека, «одушевленные одной и той же национальной мыслью и желанием пользы своему народу» [там же, с. 165].

Художнику Федору Солнцеву благодаря наставлениям А. Н. Оленина удалось в работе над срисовыванием и научной фиксацией памятников русской древности довести в своих рисунках воспроизведение бытовых форм до высокой степени совершенства. Вместе они подготовили несколько художественно-археологических изданий, среди которых «Рязанские русские древности» [14], «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян...» [9], «Облик, или портрет великого князя Святослава Игоревича», «Древности Босфора Киммерийского» [15].

Первым и важнейшим этапом в становлении «художественной археологии» стали события, связанные с находкой и публикацией «рязанских древностей». «Рязанскими древностями» традиционно в источниковедении и археологии называют клад, случайно найденный крестьянами при ремонте дороги в 1822 г. близ села Старая Рязань [14, с. 9]. Этот клад состоял из 45 золотых и серебряных предметов, в основном, из украшений женского парадного платья. Они были созданы рязанскими мастерами в XII в. для княжеской семьи и их зарыли перед нашествием монголо-татарских орд, разоривших Старую Рязань в 1237 г.

Осознание уникальности и степени важности этой находки для истории русской культуры сделало актуальной проблему публикации как можно более полной информации о ней. По распоряжению императора Алексан-

дра I, к исследованию приступил А. Н. Оленин, стараясь решить серьезные источниковедческие вопросы, связанные, прежде всего, с внешней критикой источника, вопросы, которые поставил перед ним в 1824 г. государь: «К чему именно сии убранства могли служить, и кому оные принадлежали?» [14], то есть когда, для кого и кем были созданы.

Книга, посвященная уникальной находке, по замыслу Алексея Николаевича Оленина, состояла из двух частей: научного исследования клада, включающего историю его создания, историю находки, состав клада и подробное описание пяти литографированных таблиц-рисунков, представленных в виде отдельного альбома. Т.е. подробное словесное описание клада дополнялось детальным воспроизведением всех предметов.

Этот вид искусства (точное воспроизведение предметов материальной культуры), получивший в последствии название «художественной археологии» был очень и очень непростым. По словам А. Н. Оленина, художник, занимающийся подобным искусством, «должен приучить свой глаз отыскивать в вещах сего рода настоящую их характеристику, без которой самой превосходной работы рисунок не может выполнить той главной цели, которая в сем роде искусства требуется, а именно, чтобы точным изображением предмета, не прибавляя к нему ни поправок, ни прикрас, и не выпуская никаких его недостатков или неправильностей, представить верный способ наблюдателю нравов и обычаев времен прошедших соображать или узнавать век или употребление изображенной вещи, какому народу, а иногда и лицу, могла она принадле-

лежать». Такой художник «должен быть не что иное, как самый строгий портретист, несмотря на случайную безобразность предметов» [14, с.1–5].

Поставленная императором серьезная художественно-исследовательская задача была не просто блистательно решена А. Н. Олениным, но и позволила сформулировать основные принципы «художественной археологии», ставшей с этого времени неотъемлемой частью научных и художественных изысканий.

Вслед за «Рязанскими русскими древностями» в начале 1830-х гг. последовали работы над рисунками Керченских и Фанагорийских древностей [15].

Следующей этапной работой в становлении «художественной археологии» стали «Древности Российского государства», которые увидели свет в 1849–1853 гг., уже после смерти А. Н. Оленина. При подготовке этого «важнейшего и великолепнейшего» [16, с. 42] издания, названного современниками «живописной энциклопедией», «богатым пособием по археологии» [там же, с. 44], «эпохой в русском историческом самосознании» [13, с. 167], объединились силы лучших представителей российской культуры, ратовавших о ее славе и понимающих назначение исторического познания.

Подготовка к изданию началась еще с работы над Рязанскими древностями, в издание которых среди титульных листов помимо собственно предметов Рязанского клада А. Н. Оленин считал возможным и необходимым поместить рисунки предметов, относящихся к XVII и XIV вв. Во введении к «Рязанским древностям» этот факт пояснен следующим образом: «Пред-

меты, помещенные в сих первых двух рисунках, должны служить для соображения и доказательств при рассуждении о вещах, найденных в Рязанской губернии» [14, с. 7].

Начало работе по исполнению рисунков русских древностей было положено командировкой Ф. Г. Солнцева в 1826 г. в Кострому и Ярославль [17, с. 718]. В мае 1830 г. по заданию А. Н. Оленина и под его руководством начинаются исследовательские археолого-этнографические поездки Ф. Г. Солнцева, в которых он должен проявить себя и как ученый-исследователь, и как художник, умеющий точно передать формальную сторону предмета. С того времени художник стал систематически «срисовывать старинные наши обычаи, одеяния, оружие, церковную и царскую утварь, скарб, конскую сбрую и прочие предметы, принадлежащие к историческим, археологическим и этнографическим сведениям» [там же, с. 722]. География творческих поездок была обширной: Москва и ее окрестности, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Троице-Сергиева лавра, Александров, Звенигород, Тверь, Торжок, Новгород, Псков, Ладога, Белозерск, Смоленск, Рязань, Ярославль, Кострома, Киев, Чернигов.

Президент Академии художеств старался научить своего помощника и товарища в деле изыскания и фиксации памятников русской старины методике изучения и фиксации древностей, указать правильный метод их художественного анализа и научной критики при решении главной научной задачи – установить время создания, принадлежность и назначение каждого из отрисованных па-

мятников, зафиксировать их состояние на момент обследования и художественной фиксации. Например, А. Н. Оленин, давая инструкцию, писал следующее:

«Поручаю Вам весьма подробно карандашом означать на самых разных рисунках: а) как, по преданиям местным, оружие или какой-либо предмет, или особая часть одного называлась? б) все сии имена записывать Вам в особую тетрадь, с ссылками или указаниями карандашом на нарисованные Вами предметы под сими именами <...> г) для надлежащего эффекта, при окончательной отделке, нужно Вам будет особые иметь рисуночки, красками сделанные, хотя в малом виде, общего вида и цвета рисуемого вами предмета, или какой-либо важной части одного» [4, с. 637].

Каждый раз, возвращаясь из поездок, Ф. Г. Солнцев привозил от 50 до 100 рисунков археологических памятников и этнографических типов. Все они обрабатывались и систематизировались.

Предметы Ф. Г. Солнцев изображал с необычайной тщательностью, со скрупулезной точностью и, конечно же, археологической достоверностью, как писал А. Н. Оленин, «не прибавляя к ним ни прибавок, ни прикрас и не выпуская никаких их недостатков и неисправностей». Объемные предметы художник часто давал в нескольких проекциях, воспроизводил отдельные фрагменты и детали, а также делал по несколько эскизных и итоговых рисунков. К примеру, Ф. Г. Солнцев несколько раз по просьбе А. Н. Оленина воспроизвел одну из уникальных археологических находок начала XIX в. – шлем Ярослава Всеволодовича, укра-

шенный серебряными золочеными пластинами с рельефными изображениями Архангела Михаила, Христа Спасителя, св. Георгия, св. Федора Стратилата и св. Василия. Шлем был показан в трех проекциях: вид спереди, сбоку и сверху, показан с реконструкцией металлической личины и кольчужной сетки – бармицы. Внизу справа, около шлема, изображение остатков кольчуги или бармицы. На нижнем поле показан фрагмент декора венца шлема – развертка пластины с орнаментом и фигурками фантастических животных. Вверху слева и справа показаны аналогии шлему (по западноевропейским изобразительным источникам). Изображения были выполнены в различном масштабе [18, илл. 258].

«Шапку ерихонскую» князя боярина Ф. И. Мстиславского художник показал в пяти проекциях: вид спереди, сзади, сверху, сбоку и изнутри, а также изображены отдельные украшения и детали, в том числе, детали крепления [19, III, илл. 15]. В четырех проекциях с изображением деталей в разных проекциях и рисунках орнаментов представлена чернильница царя Алексея Михайловича [там же, V]. В трех проекциях с изображением двух деталей представлена серебряная золоченая кружка [там же]. Крыша с ковчега для гвоздя Господня показана в трех проекциях, в двух – Гвоздь Господень [там же, I]. В четырех проекциях дана митра патриарха Иова [там же].

Часто отдельные детали многих предметов художник показывал в натуральную величину, прилагая к рисунку масштабную линейку.

Постепенно собирался материал, отражавший в старинных предметах

и костюмах историю жизни и быта Русского государства. Получая все новые и новые рисунки Ф. Г. Солнцева, А. Н. Оленин отмечал: «Сей важнейший труд, ныне предпринятый <...>, если продолжаем будет <...>, то, конечно с пользой послужит к составлению со временем полного курса Русской археологии для объяснения старинных обычаев, обрядов, деяний или костюма художникам нашим и даже иностранным» [20, с. 149].

К началу 1840-х гг. Ф. Г. Солнцев создал около трех тысяч рисунков, представлявших древности Российского государства [21, с. 330–432]: это виды различных городов, монастырей, храмов, старинных зданий, их интерьеров, зарисовки, обмеры и планы древних архитектурных сооружений, одежды, облачения, церковная утварь, старинные книги, предметы быта, этнографические зарисовки и т.д.

Направляя работу художника и видя итоги исследовательских художественно-археологических поездок, А. Н. Оленин, в декабре 1841 г. написал доклад «О проекте издания под названием “Древности российские”», в котором он говорил о необходимости составления «верной и любопытной и привлекательной российской истории» [5, с. 139]. «Главная цель сочинения Древностей Российского Государства будет состоять в точнейшем исследовании нравов, обычаев и одежды или костюма русского народа от VI до XVIII в. по Р. Х., особенно для художников... В этом собрании самых отчетливых рисунков показаны будут настоящие виды одеяний, оружия, первобытных жилищ, храмов, зданий, скарба, одним словом, всех предметов, которые могут входить в состав этнографических описаний племен славян-

ских и особенно русского народа. К сему своду исторических доказательств в лицах присовокуплено будет все, что у нас в России имеется из числа произведений других народов, и все, что может служить ясным доводом к подтверждению сказанного о многолюдных племенах славян в письменных преданиях древних и новейших авторов» [19, I, II–III].

Размышляя о предназначении издания, А. Н. Оленин также отметил, что «цель сего сочинения состоит в том, чтоб старинные наши русские нравы, обычаи, обряды, одежды духовные, военные, светские и простонародные, а также жилища и здания, степень познаний и просвещения, промышленности, искусства, ремесла и разные предметы в общежитии сделались известными – посредством ваияния или рисования – во всей их точности и с сохранением их характера или вида, как бы он ни был странен и неисправно изображен» [20, с. 144]. Издание по окончании подготовительной работы над ним должно было выглядеть как свод гравированных или литографированных рисунков старинных памятников культуры, быта, архитектуры, произведений искусства, точно передающих натуру. Также в издание должны были быть включены исторические и литературные сведения, извлеченные из летописей.

Будущую книгу А. Н. Оленин предполагал озаглавить следующим образом: «Древности Российского Государства. Рисованы с подлинников академиком Императорской Академии художеств Солнцевым, с краткими пояснениями президента сей Академии. Для художников. Приведено к исполнению 11 декабря 1841 г.» [5, с. 140].

Алексею Николаевичу Оленину не удалось воплотить в жизнь свою мечту об уникальном историко-художественном пособии в жизнь. Он скончался в 1843 г.

Еще при жизни президента Академии художеств его инициатива была горячо поддержана императором Николаем I. После его смерти государь решил завершить столь важное предприятие, которое способствовало бы образованию и воспитанию русских художников в любви к истории Отечества. Именно это издание через художественные образы исторически важных предметов материального ряда как нельзя лучше отражало главную национальную идею периода царствования Николая I – «Православие. Самодержавие. Народность».

Выдвинувший на первый план требование – следовать национальным традициям в русском искусстве император Николай I всячески содействовал начатому Олениным предприятию. По инициативе Николая I был создан Комитет для подготовки издания в составе: государственный деятель, коллежский регистратор, меценат С. Г. Строганов, писатель и драматург М. Н. Загоскин, историк, этнограф, археолог и искусствовед И. М. Снегирев, писатель, историк, археолог, этнограф, директор Московской Оружейной палаты А. Ф. Вельтман.

Концепция издания «Древностей», разработанная А. Н. Олениным, представленная в рисунках «замечательнейших памятников древности Русской» и в строгих описаниях, имела «великое значение для науки, как плод долговременного труда изыскателя» [19, с. I, III].

«Художественная археология» воплощенная в предпринятых изда-

ниях первой половины XIX в., принципы которой были сформулированы А. Н. Олениным, дала возможность сохранить и реставрировать памятники, стала средством воспитания и образования общества, методом познания и освоения отечественной истории. Дело, начатое А. Н. Олениным, было продолжено в трудах И. М. Снегирева [22–30], А. Ф. Вельтмана [31–32], Ф. Ф. Рихтера [33], В. В. Сулова [34–37]. Труды его последователей стали данью уважения «удивительному человеку, отдававшему все силы и все свои средства делу образования и просвещения русских художников, делу сохранения памятников русской старины» [4, с. 316] и показали значимость и перспективность идеи «художественной археологии».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная канцелярия, 1810–1919. – СПб., 1910.
2. *Вигель Ф. Ф.* Записки. – М., 2000.
3. *Ключевский В. О.* А. Н. Оленин // *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. – М., 1983.
4. *Солнцев Ф. Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // *Русская старина*, 1876. – Т. XV. – С. 109–128, 311–323, 617–633; Т. XVI. – С. 147–160, 263–302.
5. *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. – СПб., 1997.
6. *Оленин А. Н.* Археологические труды в 4-х тт. / Под ред. Н. И. Стояновского со 100 снимками Ф. Г. Солнцева. – СПб., 1877, 1881, 1882.
7. *Оленин А. Н.* Изложение средств к изменению главных предначертаний нового образования Академии художеств. – СПб., 1831;
8. *Оленин А. Н.* Краткое историческое сведение о состоянии императорской Академии художеств. – СПб., 1829.